

Сунь Тяньцы

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, 2104437546@qq.com, <https://orcid.org/0009-0003-4718-875X>

Метафора как способ воплощения стереотипных представлений о терпении в русской и китайской лингвокультурах

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье с позиций лингвокультурологии и когнитивной лингвистики осуществляется сопоставительный анализ систем метафорической репрезентации концептов «терпение» (в русском языке) и «忍» (в китайском языке). Опираясь на данные лексикографических источников, паремии и материалы национальных корпусов русского и китайского языка, автор выявляет системные различия в метафорическом моделировании данных концептов. В работе применяются компонентный анализ словарных дефиниций, анализ концептуальных метафор, сопоставительный анализ метафорических моделей. Особое внимание уделяется механизмам фиксации и трансляции стереотипных представлений о терпении посредством метафоры. Проведенный компаративный анализ позволяет раскрыть роль метафоры как культурного кода, который как формирует, так и репрезентирует укоренившиеся в сознании двух народов когнитивные модели феномена терпения. Разница в восприятии концепта «терпение» обусловлена этимологией и закреплена во внутренней форме слова: этимологически русское «терпение» связано с конкретно-чувственным переживанием утраты телесной чувствительности, тогда как китайский иероглиф «忍» ассоциируется с образом «ножа на сердце». В результате в ареале русской культуры терпение связывается с пассивным страданием и ограниченностью ресурса, в то время как в ареале китайской культуры — с активным самоограничением и стратегической пролонгацией действия. Существенным представляется уточнение, что под «стереотипом» в контексте данной работы понимается не когнитивное искажение, несущее негативную коннотацию, а устойчивая, выработанная в ходе длительного культурного развития модель восприятия терпения, ценностный аспект которой заключается в отражении механизмов нормативной регуляции индивидуального поведения представителя конкретной лингвокультуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология, русская лингвокультура, китайская лингвокультура, когнитивная лингвистика, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, языковые единицы, концептосфера, концепты, терпение, китайский язык, русский язык, сравнительный анализ, культурные стереотипы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сунь Тяньцы, кандидат филологических наук, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: 2104437546@qq.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сунь, Тяньцы. Метафора как способ воплощения стереотипных представлений о терпении в русской и китайской лингвокультурах / Сунь Тяньцы. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 86-92.

Sun Tianci

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, 2104437546@qq.com, <https://orcid.org/0009-0003-4718-875X>

Metaphor as a Means of Manifestation of Stereotypical Ideas about Patience in Russian and Chinese Linguocultures

ABSTRACT. This article carries out a comparative analysis of the systems of metaphorical representation of the concepts of “terpenie” in Russian and “忍” in Chinese (both mean patience) from the standpoint of linguoculturology and cognitive linguistics. Based on the data of lexicographic sources, phraseological dictionaries and materials from the national corpora of the Russian and Chinese languages, the author identifies systemic differences in the metaphorical modeling of these concepts. The study uses component analysis of dictionary definitions, analysis of conceptual metaphors, and comparative analysis of metaphorical models. Special attention is paid to the mechanisms of fixation and translation of stereotypical ideas about patience through metaphor. The comparative analysis makes it possible to reveal the role of metaphor as a cultural code that both forms and represents cognitive models of the phenomenon of patience that are ingrained in the minds of the two peoples. The differences in the perception of the concept of “patience” is due to etymology and is fixed in the inner form of the word: etymologically, the Russian “terpenie” is associated with a specific sensory experience of loss of bodily sensitivity, while the Chinese character “忍” is associated with the image of a “knife in the heart.” As a result, in the area of Russian culture, patience is associated with passive suffering and limited resources, while in the area of Chinese culture, it is associated with active self-restraint and strategic prolongation of action. It is essential to clarify that a “stereotype” in the context of this work is not a cognitive distortion that carries a negative connotation, but a stable model of perception of patience created over a long period of cultural development, the value aspect of which consists in reflecting the mechanisms of normative regulation of individual behavior of the representative of a particular linguistic culture.

KEYWORDS: *linguoculturology, Russian linguoculture, Chinese linguoculture, cognitive linguistics, metaphorical modeling, metaphorical models, conceptual metaphors, linguistic units, conceptsphere, concepts, patience, Chinese language, Russian language, comparative analysis, cultural stereotypes.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Sun Tianci, Ph.D. in Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Sun Tianci. (2026). Metaphor as a Means of Manifestation of Stereotypical Ideas about Patience in Russian and Chinese Linguocultures. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 86-92. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Терпение, представляющее собой сложный механизм психологической защиты и стратегию волевого контроля, занимает уникальное место в эмоциональной сфере человека. Оно отличается как от мгновенно возникающих базовых эмоций (например, гнева или страха), так и от продолжительных диффузных настроений (таких как уныние или эйфория). По своей сути терпение — это осознанное волевое вмешательство субъекта, осуществляемое перед лицом внешнего давления, внутренних импульсов или продолжительных трудностей. Цель данного вмешательства заключается в отсрочке, трансформации или перенесении сиюминутных реактивных побуждений ради служения некоей более высокой цели или ценности [Сунь 2024; 2025]. Выбор той или иной исходной сферы-источника для концептуализации и моделирования представлений различными языковыми коллективами отнюдь не является произвольной игрой знаков, а детерминируется разделяемым этими коллективами жизненным опытом, системой ценностных ориентаций и онтологическими предпосылками (см. об этом [Гридина 2026¹; Коновалова 2021]).

В русской и китайской лингвокультурах концептуализация терпения обнаруживает глубокое кажущееся сходство при одновременном наличии глубинных структурных различий. В обоих языках сложились высококоразвитые концептуальные системы, описывающие терпение, и в обоих обществах терпению придается чрезвычайно высокая этическая ценность. Однако за этим ценностным консенсусом скрываются принципиально различные когнитивные пути и философские основания. Русское «терпение» и китайское «忍» следуют собственной внутренней логике в своей семантической сети, моделях сочетаемости и метафорическом конструировании. Системное исследование этих различий позволяет не только прояснить конкретные механизмы эмоциональной концептуализации в двух языках, но и выйти

на уровень фундаментальных расхождений в способах осмысления отношений индивида с миром, укорененных в одном случае в традициях православной духовности и в другом — в китайской философии, сформированной под влиянием конфуцианства, даосизма и буддизма.

Метафора представляет собой не просто риторический троп, а фундаментальный механизм человеческого мышления: посредством проецирования абстрактного понятия терпения на конкретные, чувственно воспринимаемые предметы, сценарии или действия она конструирует культурно-специфичные когнитивные модели, которые затем кристаллизуются в коллективные стереотипы. Классический труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live By*» («Метафоры, которыми мы живем») заложил основы теории концептуальной метафоры, согласно которой «метафорические выражения в языке являются поверхностными презентациями глубинных когнитивных структур» [Lakoff, Johnson 1980: 3–6]. Однако, как справедливо отмечает А. Н. Баранов, метафорические модели не являются универсальными — они «варьируются в зависимости от языка и культуры, аккумулируя национально-специфичные способы категоризации мира» [Баранов 2014: 83–87].

Будучи абстрактным свойством личности, терпение отличается размытостью содержания и сложностью прямой дефиниции. Метафора, действуя по логике проекции «сфера-источник → сфера-мишень», устанавливает связь между терпением (сферой-мишенью) и такими конкретными сферами-источниками, как природные явления, артефакты, инструмент или виды деятельности (см.: [Будаев 2023; Чудинов 2001]). Это позволяет объективировать и закрепить абстрактное понятие. Подобное проецирование отнюдь не является произвольным: оно детерминировано ценностной системой, историческим опытом и условиями бытования конкретной культуры. В результате формируются культурно-специфичные стереотипы: когда определенный тип метафорических

¹ Гридина, Т. А. Ассоциативный контекст метафоры: универсальное и идиозначительное : моногр. / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова, Т. Сунь. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2026. — 136 с. — ISBN 978-5-8050-0831-4.

выражений воспроизводится на протяжении многих поколений, он закрепляется в сознании коллектива как устойчивое представление о терпении, становясь непосредственной языковой репрезентацией стереотипа.

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование исходит из гипотезы о том, что системы метафор, репрезентирующих представления «терпение» / «忍» в русском и китайском языках, являются проекцией культурных стереотипов о терпении, сформировавшихся в соответствующих лингвокультурах.

Материалом исследования послужили русские и китайские лексикографические источники: «Толковый словарь живого великорусского языка» [Даль 2003]; Современный словарь «新华字典» [Словарь Синьхуа URL]; пословицы и поговорки; художественные и публицистические тексты XIX–XXI вв., а также данные национальных корпусов: Национальный корпус русского языка (НКРЯ URL), Корпус китайского языка Центра лингвистики Пекинского университета (CCL Corpus) и др.

В работе применяются компонентный анализ словарных дефиниций, анализ концептуальных метафор (на основе методологии Лакоффа и Джонсона в адаптации А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова; Э. В. Будаева, А. П. Чудинова), сопоставительный анализ метафорических моделей, что позволяет выстроить трехмерную аналитическую рамку «тип метафоры — стереотипное содержание — культурные истоки».

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С точки зрения этимологии, семантика производящего глагола *терпеть*, от которого образовано имя существительное *терпение*, не ограничивается исключительно психологическим аспектом «страдания», «испытания» или «терпеливого перенесения». Его корни уходят глубже, указывая на телесное состояние оцепенения и утрату чувствительности. В славянских языках прослеживаются две переплетающиеся, но сущностно родственные семантические линии эволюции данного глагола: первая — «страдать, испытывать страдание» [Фасмер 2003: 49], вторая — «цепенеть, неметь, затекать, терять чувства, вкус» [Там же]. Наиболее ярко потенциал глагола *терпеть* представлен в «Толковом словаре живого великорусского языка» [Даль 2003: 231]: «ТЕРПЕТЬ, *терпливать* что, выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать; крепиться, об(пере)могаться, мужаться, держаться, стоять

не изнемогая, не унывая; ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться; снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать, давать повадку; не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать». Таким образом, семантическая эволюция слов *терпеть* и *терпение* раскрывает сложный путь от конкретно-телесного ощущения потери чувствительности к абстрактному понятию нравственной силы и смирения.

Иероглиф «忍» состоит из двух элементов: верхней части «刃» (лезвие ножа) и нижней части «心» (сердце). Таким образом, внутренняя форма китайского иероглифа передает образ «лезвия на сердце» — то острое, режущее ощущение, которое человек испытывает, обуздывая себя. В первом этимологическом словаре китайского языка «说文解字» [Шуовэнь URL], который составлен во II веке н. э., иероглиф «忍» толкуется как «能也» (способность, умение). Цинский комментатор Дуань Юйцай (XVIII в.) в своем толковании отмечает: «忍之义, 兼行止。敢于杀人谓之忍, 敢于不杀人亦谓之忍» (буквально — «смысл иероглифа „忍“ охватывает как действие, так и бездействие. Осмелиться лишить человека жизни — „忍“; осмелиться не лишать человека жизни — это также „忍“»). Данный комментарий представляется исключительно важным: «忍» обозначает как способность совершить крайнее действие, так и способность сдерживать себя от него. Иными словами, это способность удерживать себя на грани. Современный словарь «新华字典» [Словарь Синьхуа URL] выделяет следующие значения иероглифа «忍»: 1) 耐, 把感情按住不让表现 — терпеть, сдерживать свои эмоции и не выражать их. 忍耐 терпение, выдержка; 容忍 толерантность; 忍痛 терпеть боль; 忍受 стойко терпеть; 忍俊不禁 не выдержать и рассмеяться, безудержно рассмеяться, не удержаться от смеха. 2) 狠心, 残酷 — чёрствый, бессердечный, жестокий. Второе значение логически выводится из образной основы иероглифа «лезвие на сердце» и может означать как самообладание, так и готовность причинять боль другим.

Ключевое различие между концептами коренится в изначальных образах: в русском языке «терпение» исходно связано с телесным оцепенением, утратой чувствительности, на которые накладываются внешние страдания, испытания и трудности. Это путь от конкретного телесно-сенсорного опыта к постепенному абстрагированию в пассивное претерпевание внешних невзгод, боли и не-

гативных факторов, сочетающее в себе как телесное ощущение, так и внешнее давление, при абсолютно пассивной роли субъекта. В китайском же языке «忍» уходит корнями в образ острого инструмента, находящегося внутри субъекта, и относится к сфере внутренних, атакующих и проникающих субъективных образов, где субъект занимает активную, доминирующую позицию.

В русской лингвокультуре на основе анализа корпусных данных и паремии можно выделить три доминирующие модели метафор: терпение — это физическое давление; терпение — это вместилище; терпение — это временная протяженность.

Терпение концептуализируется как физическое давление, тяжелое бремя, которое субъект вынужден нести. Наиболее репрезентативные языковые выражения: *нести свой крест; терпеть тяготы, нести бремя; ино горько проглотишь, да сладко выплунешь (и наоборот); горько съешь, да сладко отрыгается (и наоборот)* [Даль 1862: 27]; *терпи, казак, атаман будешь; оттерпимся, и мы люди будем* [Даль 1862: 28]; *терпя, горе скажется* [Даль 1862: 30]; *терпи горе неделю, а царствуй год; не всем казакам в атаманах быть; терпению — спасенье; терпенье и труд все перетрут* [Даль 1862: 113]; *терпя и камень треснет* [Даль 1862: 118]; *ангельское терпение; адское терпение* [Фразеологический... 2004: 498].

Нести свой крест — фразеологизм, восходящий к евангельскому сюжету о несении креста Иисусом Христом. В секуляризованном употреблении сохраняет семантику неизбежности и предопределенности страдания. Существенной характеристикой данного типа вербализации является презумпция должностования, неизбежности. Бремя нельзя сбросить по собственной воле; его можно лишь нести или, в крайнем случае, быть им раздавленным. Это коррелирует с православным пониманием терпения как смирения перед волей Божьей.

Терпение также концептуализируется как вместилище. Данная модель реализуется в двух вариантах: терпение как само вместилище и терпение как содержимое вместилища. Например: *чаша терпения; переполнить чашу терпения; чаша терпения переполнилась; терпение лопнуло* [Фразеологический... 2004: 498], *вывести из терпения, терять терпение, набраться терпения, переполнить терпение, запастись терпением, хватит терпения, истощилось терпение, терпение переполнилось, набраться терпения* [НКРЯ URL].

Терпение как временная протяженность. Данная модель репрезентирует тер-

пение как способность, восполняющую интервал между желанием и его осуществлением: *век жить, век ждать* [Даль 1862: 27]; *час терпеть, а век жить; без терпенья нет спасенья* [Даль 1862: 113]. Также есть выражение *потерпи немного* — глагол с суффиксом однократности указывает на ограниченность срока.

Логический анализ исследуемого феномена позволяет заключить, что под влиянием традиций православной аскетики русская культура концептуализирует терпение как неизбежное страдание, ведущее к спасению души, где индивиду отводится пассивная роль объекта внешнего давления. Метафора «вместилище», в свою очередь, задает физический предел терпению: непрерывное поступление жидкости (давления) в конечном счете приводит к переполнению или разрыву вместилища. Данная концептуализация полностью исключает возможность активного вмешательства субъекта, и это доказывает, что терпение в русском языковом сознании представляет собой пассивное аккумулятивное, неотвратимо ведущее к предельному взрыву.

Принципиально иначе устроена метафорическая организация терпения в китайском языке, отражающая влияние конфуцианских, даосских и буддийских традиций, и может быть представлена следующими основными моделями: «忍» как *нож в сердце*; «忍» как *вода*; «忍» как *стратегическое поведение*.

Первая модель метафоры предопределена самой внутренней формой иероглифа «忍» и пронизывает все представления о терпении в китайской культуре. Например, выражение «心如刀绞» («сердце словно ножом режут») употребляется для описания интенсивных душевных страданий, которые необходимо терпеливо переносить; «忍痛割爱» («терпя боль, отказаться от любимого») означает отказ от дорогого сердцу предмета ради достижения более высокой цели; «含垢忍辱» («сдерживая нечистоты, терпеть унижения») — образ удержания внутри себя чего-то неприятного. Важнейшей характеристикой данной модели является острота, разрушительный характер переживания.

Под влиянием даосской философии формируется метафора терпения как воды. Ключевой текст — «道德经» [Лао-цзы 2008]:

«天下莫柔弱于水，而攻坚强者莫之能胜»

(в Поднебесной нет ничего мягче и слабее воды, но в преодолении твердого и крепкого ничто не может превзойти ее). Эта философская идея проецируется на терпение в следующих созвучных ей моделях: «以柔克刚»

(«мягкостью преодолевать твердость») — терпение проявляется как стратегия непрямого действия; «水滴石穿» («вода камень точит») — букв. «капли воды пронзают камень») — результативность терпения, основанная на его непрерывности и постепенности; «忍一时风平浪静» («стоит немного потерпеть — и ветер стихает, волны успокаиваются») — терпение позволяет человеку переждать, дожидаться прекращения бури; «忍得一时气, 免得百日忧» («Выдержи гнев на мгновение и избежишь ста дней беспокойства»); «必有忍乃有济» («Необходимо обладать терпением, и тогда остальное приложится»).

В отличие от русской метафоры *нести свой крест*, где акцент делается на тяжести ноши, китайская метафора воды подчеркивает текучесть и способность огибать препятствия. Терпение здесь выступает не как пассивное страдание, а как активное приспособление.

В китайской культуре сложилась развернутая система представлений о терпении как осознанной стратегии, ориентированной на достижение успеха в будущем. Данная модель иллюстрируется историческими нарративами, несущими нравоучительный подтекст: терпение неизменно вознаграждается. «跨下之辱» — Хань Синь в молодости претерпел унижение, вынужденный проползти между ног обидчика. Он стерпел, чтобы избежать гибели, и впоследствии достиг великих свершений. «卧薪尝胆» — Гоу Цзянь, потерпев поражение, спал на хворосте и пробовал желчь, дабы не забыть о мести. Его терпение длилось несколько лет и увенчалось победой. «圯下拾履» — Чжан Лян терпеливо подобрал туфлю, упавшую с ноги старика, и за это был удостоен дара — книги о военном искусстве. С точки зрения логики метафорического переноса, китайское понятие «忍» предполагает, что субъект трансформирует внешний конфликт в акт насилия над собственной плотью и ее «поглощение». Это обусловлено не религиозным искуплением, а социальной регуляцией, основанной на конфуцианском принципе «гармонии и единства» — ценой сжатия внутреннего пространства и самоуязвления индивида достигается стабильность внешних социальных связей. Таким образом, «忍» в китайской культуре репрезентирует крайнюю форму активного самоподавления субъекта, осуществляемого ради сохранения патриархально-кланового порядка.

Иероглиф 忍 означает не столько страдание, сколько самовоспитание, работу над

собой. Даже в модели «нож на сердце» присутствует активный компонент: нож — это инструмент, которым субъект воздействует на собственную внутреннюю сущность. Субъект одновременно выступает и объектом, и орудием этого воздействия. В китайской культурной традиции терпение включено в контекст «修身» («самосовершенствования») — оно выступает необходимым условием воспитания благородного мужа [Ли Сяолу 2008: 45]. Терпение в китайской лингвокультуре всегда телеологично — оно предполагает наличие цели, ради которой осуществляется. Таким образом, зафиксированные в русском и китайском языках метафорические различия в стереотипных представлениях о терпении по своей сути обусловлены глубинными расхождениями в истоках и эволюции культур двух народов.

ВЫВОДЫ

Анализ метафорических представлений о терпении в русской и китайской лингвокультурах позволяет сделать следующие выводы.

1. В русском и китайском языках представления о терпении обнаруживают системные расхождения на уровне лексической семантики и внутренней формы слова. Этимологически русское «терпение» связано с конкретно-чувственным переживанием утраты телесной чувствительности, тогда как китайский иероглиф «忍» ассоциируется с образом «ножа на сердце».

2. В русском языке доминирующими метафорическими моделями являются «терпение — это физическая нагрузка» (нести свой крест, бремя), «терпение — это вместилище» (чаша терпения) и «терпение — это временная протяженность» (долготерпение). Все указанные модели репрезентируют терпение как пассивное претерпевание внешнего воздействия.

3. В китайской лингвокультуре ведущими моделями выступают «терпение — это нож в сердце» (закрепленное в графике иероглифа), «терпение — это вода» (сформированное под влиянием даосизма) и «терпение — это стратегическое поведение» (отраженное в исторических нарративах). Данные модели представляют терпение как активное внутреннее усилие.

4. Выявленные метафорические различия коррелируют с культурными стереотипами о терпении: в ареале русской культуры терпение связывается с пассивным страданием и ограниченностью ресурса, в то время как в ареале китайской культуры — с активным самоограничением и стратегической пролонгацией действия.

ИСТОЧНИКИ

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа: сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / [Соч.] В. Даля. — Москва : Имп. Общество истории и древностей рос. при Моск. университете, 1862. — 1144 с.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4: С—У / В. И. Даль. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 576 с.

3. НКРЯ. Частота и пропорция появления терпеть и терпение в НКРЯ // Национальный корпус русского языка : сайт. — URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=терпеть>; <https://ruscorpora.ru/explore?req=терпение> (дата обращения: 15.02.2026).

4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4: Т—Яшур : около 4500 слов / М. Фасмер. — 4-е изд., стер. — Москва : Астрель, 2003. — 864 с.

5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. В 2 т. Т. 2 / под ред. проф. А. Н. Тихонова ; сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 832 с.

6. 百度百科. 1. = Байду Байкэ. — URL: <https://baike.baidu.com/item/忍一时风平浪静,退一步海阔天空/10045737> (дата обращения: 13.03.2026).

7. 北京大学中国语言学研究中心. = Корпус китайского языка Центра лингвистики Пекинского университета. — URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search?q=忍&q1=忍&LastQuery=忍&start=0&num=50&index=FullIndex&outputFormat=HTML&encoding=UTF-8&isForReading=no&patternNature=&dir=xiandai&startTime=&endTime=&xiandaiStartTime=&xiandaiEndTime=&maxLeftLength=10&maxRightLength=10&neighborSortLength=0&orderStyle=score&scopestr=&search=查询 (дата обращения: 13.03.2026).

8. 古代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2002. = Словарь древнекитайского языка. — Пекин : Коммерческое издательство, 2002.

9. 汉典. = Хан Дянь, китайский онлайн-словарь. — URL: <https://www.zdic.net/hans/%E3%B8%BE> (дата обращения: 13.03.2026).

10. 汉俄大词典, 上海, 上海外语教育出版社, 2009. = Большой китайско-русский словарь. — Шанхай : Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2009.

11. 汉语成语大词典, 朱祖延, 河南人民出版社, М. 1985. = Китайский фразеологический словарь, Чжоу Цзюань. — Хэнань жэньмин издательство, 1985.

12. 老子. 道德经 / 杨兴顺 译. 圣彼得堡: 阿兹布卡出版社, 2008. Лао-цзы. Дао дэ цзин / Лао-цзы ; пер. Ян Хиншуна. — Санкт-Петербург : Азбука, 2008. — 192 с.

13. 李晓露. 俄汉隐喻辞格的对比研究[D]. 辽宁师范大学, 2008. 89 с. Ли Сюлу. Сопоставительное исследование метафорических тропов в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук / Ли Сюлу. — Дзянь : Ляонинский педагогический университет, 2008. — 89 с.

14. 说文解字. = Шуовэнь Цзэцзы (Происхождение китайских иероглифов). — URL: <http://www.shuowen.org/view/6928?pinyin=ten> (дата обращения: 13.03.2026).

15. 新华字典 = Словарь Синьхуа онлайн. — URL: <https://zidian.aics.cn/MTE5NjM=htm> (дата обращения: 13.03.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — SBN 978-5-9905856-7-6.

2. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — 2-е изд. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-907117-21-1. — EDN OXLIYG.

3. Будаев, Э. В. Лингвокогнитивный подход к анализу текста / Э. В. Будаев // Книга. Чтение. Медиа среда. — 2023. — Т. 1, № 1. — С. 21–28. — DOI 10.20913/BRM-1-1-3. — EDN ARUMXM.

4. Ван, Л. Ц. Паремологическая зона концептуального поля терпение / 忍(жэнь) в русском и китайском языках / Л. Ц. Ван // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2017. — № 4. — С. 54–57. — EDN YNELOX.

5. Воркачев, С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремологии / С. Г. Воркачев // Вопросы языкознания. — 1997. — № 4. — С. 115–124. — EDN QVPMNR.

6. Гридина, Т. А. Метод вероятностного прогнозирования как инструмент психолингвистического анализа креолизованного текста: восприятие кодов социальной рекламы / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 24, № 1. — С. 253–265. — DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017. — EDN HNEZJM.

7. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. — Москва : Гнозис, 2005. — 352 с. — ISBN 5-7333-0167-8. — EDN UGQAOX.

8. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Воронежский межрегиональный институт общественных наук ; Воронежский государственный университет ; Московский общественный научный фонд. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. — С. 75–80. — EDN WGNDZZ.

9. Коновалова, Н. И. Семантизация сакральной лексики в словаре В. И. Даля / Н. И. Коновалова // Филологический класс. — 2021. — Т. 26, № 4. — С. 127–135. — DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-11. — EDN XQDDZC.

10. Коул, М. Культурно-историческая психология. Наука будущего / М. Коул. — Москва : Когито-Центр, Институт психологии РАН, 1997. — 432 с. — ISBN 5-201-02241-3. — EDN RAXURR.

11. Красавский, Н. А. Концепт «терпение» в русской и немецкой пословичных картинах мира / Н. А. Красавский // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 7 (140). — С. 219–225. — EDN TUWSZU.

12. Сунь, Т. Ассоциативный контекст глагола «терпеть» и его производных в русской и китайской лингвокультурах / Т. Сунь // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4(106). — С. 98–105. — EDN CNNBZR.

13. Сунь, Т. Представления о терпении в русской и китайской лингвокультурах (по данным паремий) / Т. Сунь // Когнитивные исследования языка. — 2025. — № 1-1(62). — С. 479–482. — EDN AEMDYS.

14. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

15. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. — 256 p. — ISBN 9780226468006.

MATERIALS

1. Dal', V. I. (1862). Poslovitsy russkogo naroda: sb. poslovits, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy i proch. = Proverbs of the Russian people: a collection of proverbs, sayings, sayings, adages, tongue twisters, jokes, riddles, superstitions, etc. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1144 p.

2. Dal', V. I. (2003). Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. T. 4: S—U = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: OLMA-PRESS, 576 p.

3. NKRYA (n.d.). Chastota i proporsiya poyavleniya terpet' i terpenie v NKRYA = Frequency and proportion of the appearance of 'to endure' and 'patience' in the NKRYA Available at Feb. 15, 2026 from <https://ruscorpora.ru/explore?req=terpet'>; <https://ruscorpora.ru/explore?req=terpenie>.

4. Fasmer, M. (2003). Ehtimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 4: T—Yashchur = Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes. V. 4: T—Yashchur. 4th ed. Moscow: Astrel', 864 p.

5. Tikhonov, A. N. (Ed.) (2004). Frazеologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 2 t. T. 2 = Phrasеological dictionary of modern Russian literary language. In 2 vols. V. 2. Moscow: Flinta: Nauka, 832 p.

6. Baidu Bike (n.d.). Available at March 13, 2026 from <https://baike.baidu.com/item/忍一时风平浪静,退一步海阔天空/10045737>.

7. Chinese Language Corpus of the Linguistics Center of Peking University (n.d.). Available at March 13, 2026 from http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search?q=忍&q1=忍&LastQuery=忍&start=0&num=50&index=FullIndex&outputFormat=HTML&encoding=UTF-8&isForReading=no&patternNature=&dir=xiandai&startTime=&endTime=&xiandaiStartTime=&xiandaiEndTime=&maxLeftLength=10&maxRightLength=10&neighborSortLength=0&orderStyle=score&scopestr=&search=查询.

8. Dictionary of Ancient Chinese (2002). Beijing: Commercial Publishing House.

9. Han Dian, Chinese online dictionary (n.d.). Available at March 13, 2026 from <https://www.zdic.net/hans/%E3%B8%BE>.

10. Large Chinese-Russian dictionary (2009). Shanghai: Shanghai Foreign Language Teaching Publishing House.

11. Chinese Phrase Dictionary, Zhou Zuyan (1985). Henan Renming Publishing House.

12. Lao Tzu (2008). Tao Te Ching (Transl. Yang Hingshun). Saint Petersburg: Azbuka, 192 p.

13. Li, Xiaolu (2008). A Comparative Study of Metaphorical Tropes in Russian and Chinese. Dissertation ... Cand. Philological Sciences. Dalian: Liaoning Normal University, 89 p.

14. Shuowen Jiezi (The Origin of Chinese Characters) (n.d.). Available at March 13, 2026 from <http://www.shuowen.org/view/6928?pinyin=ren>.

15. Xinhua Dictionary Online (n.d.). Available at March 13, 2026 from <https://zidian.aies.cn/MTE5NjM=htm>.

REFERENCES

1. Baranov, A. N. (2014). Deskriptornaya teoriya metafory = Descriptor Theory of Metaphor. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 632 p. ISBN 978-5-9905856-7-6.

2. Boldyrev, N. N. (2019). Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka = Language and the System of Knowledge. Cognitive Theory of Language. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skiy dom YASK, 480 p. ISBN 978-5-907117-21-1. EDN OXLIYG.

3. Budaev, Eh. V. (2023). Lingvokognitivnyy podkhod k analizu teksta = Lingvocognitive Approach to Text Analysis. *Book Reading. Media Environment*, 1(1), 21–28. DOI 10.20913/BRM-1-1-3. EDN ARUMXM.

4. Van, L. Ts. (2017). Paremiologicheskaya zona kontseptual'nogo polya terpenie / 忍(zhehn) v russkom i kitayskom yazykakh = Paremiological Zone of the Conceptual Field Patience / 忍 (ren) in Russian and Chinese. *Modern Science. Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 4, 54–57. EDN YNELOX.

5. Vorkachev, S. G. (1997). Bezrazlichie kak ehtnosemanticheskaya kharakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noy paremiologii = Indifference as an Ethnosemantic Characteristic of Personality: An Experiment with Comparative Paremiology. *Problems of Linguistics*, 4, 115–124. EDN QBPMNR.

6. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2022). Metod veroyatnostnogo prognozirovaniya kak instrument psikholingvisticeskogo analiza kreolizovannogo teksta: vospriyatie kodov sotsial'noy reklamy = The Method of Probabilistic Forecasting as a Tool for Psycholinguistic Analysis of Creolized Text: Perception of Social Advertising Codes. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*, 24(1), 253–265. DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.017. EDN HNEZJM.

7. Karasik, V. I., Prokhvacheva, O. G., Zubkova, Ya. V., Grabarova, Eh. V. (2005). Inaya mental'nost' = A Different Mentality. Moscow: Gnozis, 352 p. ISBN 5-7333-0167-8. EDN UGQAOX.

8. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2001). Lingvokul'turnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya = The Lingvocultural Concept as a Unit of Research. *Methodological Problems of Cognitive Linguistics*, 75–80. Voronezh : Voronezh Interregional Institute of Social Sciences, Voronezh State University; Moscow Public Scientific Foundation. EDN WGNDZZ.

9. Konovalova, N. I. (2021). Semantizatsiya sakral'noy leksiki v slovare V. I. Dalya = Semantization of Sacred Vocabulary in V. I. Dahl's Dictionary. *Philological Class*, 26(4), 127–135. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-11. EDN XQDDZC.

10. Koul, M. (1997). Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. Nauka budushchego = Cultural-Historical Psychology. Science of the Future. Moscow: Cogito-Center, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 432 p. ISBN 5-201-02241-3. EDN RAXURR.

11. Krasavskiy, N. A. (2019). Kontsept «terpenie» v russkoy i nemetskoy poslovichnykh kartinakh mira = The Concept of “Patience” in Russian and German Proverb Worldviews. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 7(140), 219–225. EDN TUWSZU.

12. Sun, T. (2024). Assotsiativnyy kontekst glagola «terpet'» i ego proizvodnykh v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh = Associative Context of the Verb “To Endure” and Its Derivatives in Russian and Chinese Linguistics. *Political Linguistics*, 4(106), 98–105. EDN CNNBZR.

13. Sun, T. (2025). Predstavleniya o terpenii v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh (po dannym paremiy) = Concepts of Patience in Russian and Chinese Linguistic Cultures (Based on Proverbs). *Cognitive Studies of Language*, 1-1(62), 479–482. EDN AEMDYS.

14. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. ISBN 5-7186-0277-8.

15. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 256 p. ISBN 9780226468006.